

Книжное обозрение. — 1993. — 20 авг. (№ 33). — С. 12—13.

«КУДА НЕСЕТ НАС

— Борис Андреевич, писатель испокон веков на Руси ссыпал пророком (другое дело, что в своем отечестве таких не признавали, но это уж отдельный разговор!). Понимаете, что вы не футурист, и все-таки, как вам видится наше будущее?

— Да, вопрос, как говорится, поставлен на попа: вы писатель или не писатель? Если да, то скажите — что ждет нашу страну в будущем? Ведь недаром же вас, писателей, зовут еще и пророками. И потом — какой вы? правый или левый? То вы печатались в левых изданиях (газетах и журналах), имеется в виду, то печатаетесь в правых.

Что тут можно сказать! Когда жизнь настолько скособилась, что за граничищами остается чуть ли не половина всего населения, то и дурак понятно — доброе это не кончается. Тут невольно вспомнишь пословицу: «И не пророк, да видит, что куда идет». Не гадать, а криком кричать надо: остановите эту растаскилку, писеголовцы! И многие кричат... Стоном исходит земля русская.

А им все до Феники. Раньше у нас строили «социализм» со звериным лицом, а теперь строят «капитализм» с тем же звериным осколком. У нас все должно быть «по-большому»! Уж ежели социализм, так казарменный — все по струнке. «Кто там шагает правой? Левой! Левой! Левой!» А уж ежели капитализм — так опять жешибко представительный и скорый: на тыщу голодающих сотворен один представитель-вортога, зато такой, что на зависть всем иностранным буржуям... Такой представительный, что у него не то чтобы «сыпьется золото с кружев» — оно из ноздрей хлещет... Фонташном бьет!

На первом периоде большевистской «перестройки» выходила из четырех года — и в 1922 году исковеркав жизнь миллинов соотечественников, сделали наконец отступ; теперь их наследники (все те же коммунисты) вроде бы тоже «засунулись» в непреклонности избранного «скорого» и «единственно верного» пути к чистому капитализму. Как те, так и эти и остаются все теми же большевиками, жаждыми до власти, до царских почестей, до золата...

Те, аки лютые волки, сперва разорвали на лоскуты нашу державу «по имам свободы тулонища от головы», потом вновь сварили ее «железом и кровью»; и эти в одиночку, опьяняв в лесной чащобе от боевого клича: «Я царь или не царь!», тоже в клочья разорвали страну. А теперь пытка и потеря от того, что не могут свести концы с концами, с оглядкой пытаются сорвать ее в «единий экономический союз»: утром скажут — «да», а вечером — «нет!» Пожалуй, один Назарбаев в утешение нам утверждает и днем и ночью, что сделать сие все-таки можно и нужно.

Конечно, со временем объединимся, но не в большевистскую казарму, а в цивилизованный союз равных республик и вылезем из этого трясинного головотяпства. Но указать сроки вам может только один Бог.

Разумеется, я не скажу все наши беды к тому, что они явились следствием говора известной троицы в лесной чащобе. Нет, конечно... Они накапливались за последние семидесяти лет с ростом неотвратимого и тупого пренебрежения к народной жиз-

ни, к народному чаянию — быть хозяевами своей земли, своего дела, плодов труда своего. К глубокому сожалению, это пренебрежение народу своему, к его делам, чаяниям, надеждам все еще сохраняется в нашем обществе. Так-то вот...

— И все-таки. Вы в равной мере публикуетесь и в «правых», и в «левых» изданиях (хотя сейчас сам черт не разберет, кто «правый», кто «левый»). Что это — политическая индифферентность? Или позиция «небожителя», не принимающего участия в сражениях?..

— Понятия — что такие «правые», а кто «левые» — в литературе быть не может. Игра в «правых» и в «левых» всего лишь журналистская воля, для художника чуждая. Ну, какое имеет значение то, что «Бесы» Достоевского печатались в журнале «реакциониста» Каткова? Кстати, у Каткова печатал до поры свои романы и Толстой, пока Катков не сделал попытку «подправить» текст Толстого. Лев Николаевич тут же забрал свой роман и напечатал его в другом журнале.

Да, моего «Живого» («Из жизни Федора Кузькина») опубликовал Твардовский в свое

время в «Новом мире» (1966 г.).

Честь и хвала ему. Но тот же Твардовский держал рукопись

более года, да еще вдобавок и

«подправил» ее, то есть сами

они циркулировали (тут, правда,

более всего Закс старался, бывший

секретарем журнала). Уж ежели

социализм, так казарменный —

все по струнке. «Кто там шагает

правой? Левой! Левой! Левой!

Он же сам в «Исправленных»

страницы и само название

«левых», есть только хорошие

писатели и плохие.

— Вернемся к «пророкской»

назначенности писателя: виден ли вам свет в конце тоннеля, по которому мы идем в народе?

— Жизнь человека и, конечно,

общества так обустроена,

что без надежды на свет в конце

тоннеля жить было невозможно.

Конечно, он должен быть виден.

Как все это будет называться, не знаю. Перемена ли

крана реформ из политической в

экономическую сторону или соз

дание нормально-бытовых условий

для страждущих людей.

— Уже не поем — сидим молча!

А если поем, то: «Путана, пугана, ночная бабочка, ну кто же виновата?»..

— И подпрыгиваем!.. Есть

определенная категория людей,

которая пытается самим себе

втолковать, что мы уж очень

правильно ведем нашу политику

и экономику. Впрочем, последнее

заседание Собмина говорит

о том, что кое-кто стал немного

задумываться над тем, правиль

но ли все в датском королевстве,

разумно ли? Намечается прав

да, но, а теперь все изменилось

к лучшему. Нашлепку

этот потребовали сделать и

редакция и цензура. И я сделал.

А что же хотели? За пчелами

и пчеловодами

отношением к нашим экономи

ческим законам.

Другое дело, что это требует

согласия в обществе, устремлен

ности к единой цели. А это един

стремление вместе Суслова на иде

логический «трон», в своей ко

ронной речи выразил гнев по ад

ресу моей повести и сказал

— да, мол, долго ли будет этот писатель глумиться над нашей

действительностью!

И в самом деле! Кабы знать

— что мы будем переживать с

новыми «реформаторами» после

хода этих супловых данди

ров, я бы мог подождать с пе

чатанием своих повестей до ро

манов еще эдак лет тридцать.

Но, увы! Былого не вернешь,

или знать бы, где упасть, — со

ломки бы подстол. Шучу, конечно...

Вернемся к «левым»

— Да, я езжу по провинции,

встречаясь со многими деловыми

людьми, вижу многих трезво

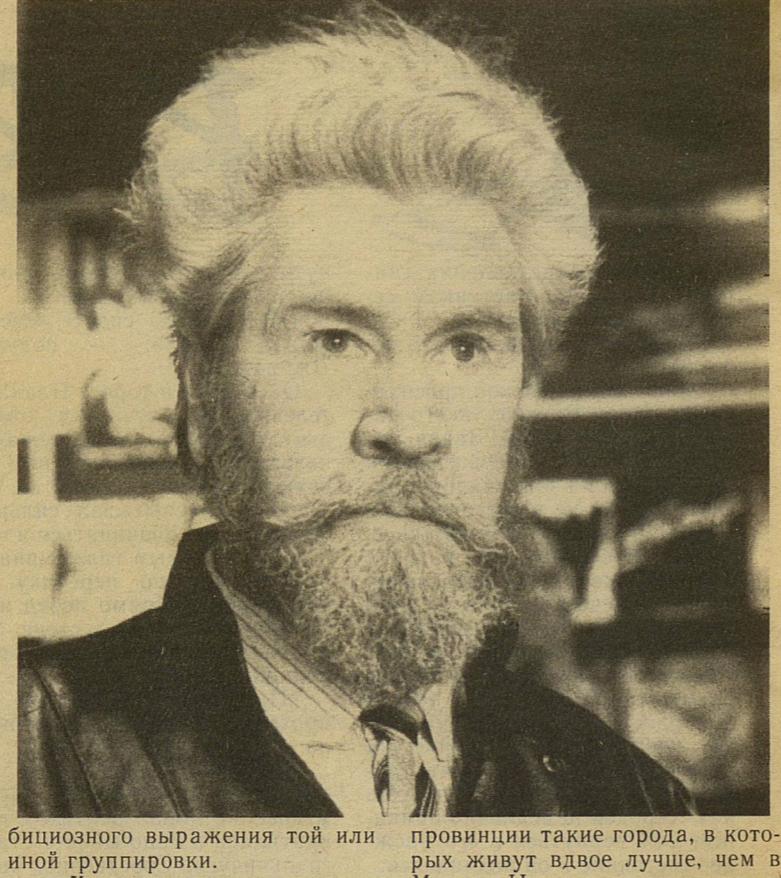
мыслящих, великолепно разби

рающихся в обстановке лично

стей. Земля наша не оскудела

талантами, в том числе и поли

тического устройства. Я видел в

Борис Можаев

и об инженерах, и о лесниках, и об учениках, художниках... Да

черт знает, о ком я только не писал! С кем встречался на своем

пути, о тех и писал. Но не так,

чтобы взять да изобразить: нет,

чувств и мыслей, которые вызы

вали эти встречи, ложились в

сюжеты, ставились определенные

проблемы — порой далекие

от деревенской жизни.

Главное не в профессии человека,

не в той среде, которую описывает писатель, — главное в моральных, нравственных, житейских вопросах, которые связаны с жизнью человека, с той средой и тысячами обстоятельств, что влияют на эту жизнь, на характеры. Ведь люди не падают с неба такими мудрыми или такими злыми, такими негодящими или такими неумехами. Их создает в определенном смысле среда, и что-то есть и от Бога, хотя мы долгое время считали, что это чепуха на постном масле. А нет, наследственное (или, как говорят ученые, генетическая) существо.

Я, естественно, безумно любил

«Семью Толстых» и «Хозяина

и работника» на Достоевского с

его «Селом Степанчиковым»

или на Толстого с его «Хозяином

и работником». Это только

примитивная критика (как говорили большевики — нынешние демократы) — огульная, люби

ла все объемно охватывать и дел

ать скопралитные выводы. Эта критика жила до большевиков и телерадио еще

и дальше, — и это не только те, кто

преществовал нам.

— Положим, и здесь была

гармония: на «бывшевистскую

огульную критику всегда была

альтернативная огульная похвала.

— Конечно, там, где черный, там и белый. Это всегда так!

Была и похвала, и достижения,

которые мы теперь пытались от

рицать. Конечно, в чудовищных провалах, в зверстве, в беспощадном истреблении народа

своего были те народные

взлеты, которые были чудеса...

— Ты сама виновата — примером!

— Что бы вы отнесли к дости

жениям советской литературы?

— Для меня нет такого поня

тия, как «советская литература».

— Обозначим это как «лит

ература за последние семь десятилетий».

— За 74 года наша литература

дала многих высокодарен

ных и, я не побоюсь сказать, даже

некоторых гениальных писа

телей — такого, как, скажем, Солженицын.